

щэгъагъ связано с верховьями Баксана, где в селении Эль-Джурт до середины XVII в. жили карачаевцы, и лишь затем они поселились в верховьях Кубани и принесли с собой легенду о Гошаях.

Ученые и краеведы, исследовавшие названные верхнекубанские башни, отмечали сходство некоторых из них). Ранее мною была высказана гипотеза о том, что эти башни относятся к довольно позднему времени. Вполне вероятно, что эти боевые каменные башни составляли единую систему укреплений, созданных в Верхнем Прикубанье в 60-х гг. XVIII в. протурецки настроенным кабардинским князем Темрюк-Хаджи Атажукиным одновременно с более мощной крепостью Хажикала. Верхнекубанские башни могли быть использованы для контроля за здешними торговообменными связями, что усиливало крымско-османское влияние в регионе. Следует сказать также, что долина Кубани административно входила в состав Крымского ханства и система каменных башен на западных рубежах Кабарды могла возникнуть еще в XVII в., а позднее (в 60-х гг. XVIII столетия) была возобновлена (перестроена), сыграв важную роль в истории.

М.М. Картоев

О КУЛЬТОВЫХ ПАМЯТНИКАХ ГОРНОЙ ИНГУШЕТИИ

Вопросам изучения культовых памятников горной Ингушетии уделялось известное внимание в отечественном кавказоведении. Большинство из них описаны (либо учтены) в научной литературе, произведена классификация памятников, некоторым посвящены специальные исследования.

Культовые памятники горной Ингушетии весьма многочисленны. За редким исключением они встречаются практически у каждого средневекового башенного поселения. Рассмотрим некоторые из них.

К древнейшим культовым местам относятся священные горы, скалы, пещеры, роции, поляны и другие природно-географические объекты, с которыми в языческом сознании связывались места обитания божеств и духов. Наиболее почитаемые из них помещались на вершинах гор. Такие культовые места располагались на вершинах Цейлома («Священной горы»), у селений Верхний Джейрах, Фуртоуг, Духаргишт, Ляжги, Фалхан, Кейрах, Нижний Хули и др. В священных рощах запрещалась охота, рубка деревьев, сбор плодов и ягод. Использование каких-либо «даров природы» со священных мест допускалось только на религиозных праздниках исключительно в культовых целях (Чухкиев 2003: 13 и след).

Одним из таких культовых мест было урочище Елти-корт («Вершина Елты»), посвященное, по-видимому, божеству охоты Елте. Оно находилось на высокой горе в окрестностях селения Гули. Урочище считалось священным. Там были «грудой свалены рога оленей. Деревья, росшие на этом месте <...> нельзя было рубить из боязни навлечь на себя несчастье; запрещалось пасти скот — из боязни, что у коров и коз не будет молока». Во время засухи, жители окрестных селений ходили к Елте-корт для совершения молений о ниспослании дождя (Семенов 1934: 154).

К особому роду культовых мест относились горные перевалы, которые являясь узловыми пунктами путей сообщения, имели важное политическое, экономическое и культурное значение в жизни горцев. Перевалы — связующее звено между разрозненными горными обществами, представляли собой своеобразный символ потенциального единства. Преодолев высокий перевал, житель обособленного ущелья попадал в такой же маленький мир соседей, где у него были родственные, деловые и дружественные связи. На одних из важнейших перевалов горной Ингушетии, на хребтах Цейлома и Цорилома, связывавших ее центральные районы с западными и восточными обществами, вблизи ухоженных троп располагались культовые места, представлявшие собой огромные кучи камней. Согласно преданиям, каждый проходивший здесь горец оставлял небольшой камень и таким образом благодарил духов за удачно пройденный путь (Алмазов, Дзариева, Чухкиев 1998: 32; Чухкиев 2003: 84).

Постройки для культовых целей возводились исключительно из камня. Они представлялись двумя видами: святилища-здания и столпообразные святилища.

Святилища первого вида представляют собой прямоугольные в плане постройки склепообразной формы различных размеров с двускатно-ступенчатой кровлей из уплощенных камней и шиферных плиток. Кровля завершалась коньком — гребнем из длинных овальных камней. Потолок в святилищах чаще всего был сводчатым, изредка — плоским (Мужухоев 1989: 19). Профессор Л.П. Семенов, акцентируя внимание на географии распространения святилищ-зданий со ступен-

чатой двускатной кровлей, отмечал, что они «распространены от Столовой горы до реки Ассы <...> Культурные памятники в восточной части области (Ингушской АО. — М.К.) представлены лишь небольшими столпообразными сооружениями более поздней и упрощенной архитектуры» (Семенов 1934: 175).

Святылища-здания принято классифицировать на языческие и христианские. Последние идентифицируются как храмы либо как храмы-святылища, что подчеркивает двойственность их происхождения и культового назначения. Собственно нет ни одного культового памятника, который на протяжении своей истории функционировал бы как сугубо христианский. Христианские храмы, как правило, основывались на месте бывших языческих святылищ, а после упадка влияния христианства на население гор вновь возвращались к своим первоначальным функциям. К числу таких храмов-святылищ относятся крупнейшие культовые постройки горной Ингушетии Тхаба-Ерды, Альби-Ерды, храм Таргимский, Дялите (Долте), святылище у с. Дошхакле, Тумгой-Ерда, Маго-Ерда, Дзорах-Дяла.

К крупным храмам-святылищам регионального значения относятся Дзорах-Дяла и Дялите (Долте), первый расположен у селений Верхний Оздик и Гадаборш, второй — у селения Карт. Они наряду с близлежащими святылищами Дяла в с. Дошхакле составляли центр поклонения верховному богу Дяла (Мужухоев 1989: 85–86), который ранее располагался выше этих селений на вершинах Цейлома. В ближайший круг селений, группировавшихся вокруг этих храмов-святылищ, посвященных богу Дяла, входили Дошхакле, Верхний Карт и Карт, Гадаборш, Верхний, Средний и Нижний Оздик, Верхний и Нижний Лейми, Кели, Ког. В этом же районе располагался и центр культа богини Тушоли общества Галгайче. Святылища Тушоли в разное время существовали на Цейломе и у селений Карт, Кели и Ког. В этом же районе сохранились фаллические памятники, символизирующие плодородие и связанные с культом Тушоли (Цейлом, селения Кели, Ког). В обществе Фяпи также был свой центр этого культа, располагавшийся в районе селений Мэлери, Лежги, Кошк, Хамышк. Здесь у селения Мэлери находился храм-святылище Тушоли (Захаров 1934; Шиллинг 1934; Чаккиев 2003: 33).

К святылищам, имевшим узколокальное регионально-родовое значение, относятся также Ткамыж-Ерды (Ткъамыж-Ерды) и Амгали-Ерды, возведенные в честь одноименных божеств-пагронов. Последние, по преданиям ингушей, считались братьями божества-покровителя земледелия Мятцели (Далгат 1972: 61). Интересно, что святылище Ткамыж-Ерды располагалось в пещере, а само божество представлялось в виде духа, явившегося впервые людям в образе почитаемого домашнего животного, вожака овечьих стад — козла (по-ингушки — *бодж*), говорившего человеческим голосом и предписавшего обряды поклонения ему. Само имя Ткамыж-Ерды, по-видимому, имеет отно-

шение к древнему культу солнца. 'Ткъамыж' — значит крылатый, а крыло — один из древних символов солнечного божества. Ткамыж-Ерды являлся покровителем охотников и почитался жителями селений Верхний и Нижний Хули за главную святыню (Алмазов, Дзариева, Чахкиев 1998: 28).

Наиболее распространенным видом культовых построек были столпообразные святилища, которые имелись в окрестностях практически каждого горного поселения. «Они представляли собой обычные прямоугольные кладки с двускатными, выложенными сланцевыми плитами или плоскими вершинами» (Мужухоев 1989: 21). В таких святилищах оставались специальные ниши для жертвенных даров. Столпообразные святилища по своему происхождению можно подразделить на два основных вида. Первый из них, называемый *сиелинг*, возводился в честь божества Селы на месте гибели человека от удара молнии. Это место считалось святыней как место прикосновения могущественного Селы. Второй вид, не такой распространенный, тоже возможно своими корнями восходит к божеству Селе (как содержащему атрибуты покровителя мужчин-воинов). К нему относятся святилища, возводившиеся в честь местных героев: воинов-наездников, предводителей воинских дружин и других знаменитых предков. Эти святилища, как правило, возводились рядом с их захоронениями-мавзолеями и назывались *Цу (ЦИу)*.

Наличие довольно значительного количества культовых построек, возводившихся в честь фамильно-родовых патронов и предков-родоначальников, свидетельствует о большой роли в религиозных представлениях ингушей культа предков. Родоначальники фамилий, не только представлялись легендарными личностями, совершающими героические поступки, но и, надеясь некими божественными качествами, возводились в ранг святых. Считалось, что они обладают способностью влиять на жизнь своих потомков, в особенности помогать им в разрешении бытовых и общественных проблем. Поэтому такой же святостью окружались и места захоронения предков.

Культовые памятники горной Ингушетии, которых в этой публикации автор коснулся лишь вскользь, несмотря на кажущуюся изученность темы, заслуживают более пристального внимания исследователей. Некоторые выводы, встречающиеся в научной литературе и связанные как с классификацией памятников, так и с их датировкой, представляются не совсем убедительными и далеко не бесспорными. Между тем оригинальность памятников и **пока еще** удовлетворительная сохранность многих из них являются благоприятным фактором для исследователей, способным возблагодарить новыми открытиями в области эволюции религиозных воззрений, равно как и в области традиционной культуры ингушей и народов Северного Кавказа в целом.

Библиография

Алмазов И.Г., Дзариева З.М., Чахкиев Д.Ю. Новые материалы о культовых памятниках позднего средневековья горной Ингушетии и Чечни / Новое в археологии и этнографии Ингушетии: Сб. ст. Нальчик, 1998. С. 32.

Захаров А.А. Ингушская богиня Тушоли // Изв. Инг. НИИ. Т. IV. Вып. 2. Орджоникидзе, 1934.

Мужухоев М.Б. Средневековые культовые памятники Центрального Кавказа (К истории религиозных верований X–XIX веках). Грозный, 1989.

Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушии в 1930–1932 гг. // Изв. Инг. НИИ. Т. IV. Вып. 2. Орджоникидзе, 1934.

Чахкиев Д.Ю. Древности горной Ингушетии. Назрань, 2003.

Шиллинг Е. Культ Тушоли у ингушей // Изв. Инг. НИИ. Т. IV. Вып. 2. Орджоникидзе, 1934.

С.У. Патиев

ТЕРМИНОЛОГИЯ БАШЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ ГОРНОЙ ИНГУШЕТИИ

При изучении древней башенной культуры горной Ингушетии немаловажную роль играет и лексика, связанная с ней, т.е. терминология.

В данном случае делается попытка суммировать некоторые термины, не давая этимологического анализа.

Возможно, найдутся изоглоссы и в других языках, связанных с аналогичной культурой средневековья.

1. *Глала* (yala) — дом-крепость, четырехугольное строение, в котором содержалась одна или несколько семей из числа кровных родственников.

2. *Кхуврч* (qurç) — камин; по окружности в центре жилой башни выкладываются камни, посередине которых зажигается очаг.

3. *МулКали* (mçali) — толстый обрубок дуба, который ставится подле камина для вбирания жара; на него обычно садились или же, располагаясь рядом, обогревались.

4. *Бурка яй* (burka iai) — чугунный котел, который на цепи висел над камином, для приготовления пищи.

5. *Хьокх* (hoq) — более древний тип боевой башни, состоит из пяти этажей, последний этаж обкладывается камнями, которые сбрасывались на нападающего противника.

6. *Баьде глат* (bađe yat) — первый этаж боевой башни, темница, где содержали пленников.